

АНТРАКТЪ 6.

Антрактъ выходитъ ежедневно. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; годовому — 1 руб. 30 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 30 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 30 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно, отъ 3 часовъ утра до 3 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи Императорскихъ московскихъ театровъ (Им. Им. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей — и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Вокругъ да около (По поводу бенефиса г-жи Васильевой). — Бенефисъ г. Соколова и другія балетныя новости. — Странное сходство. — Смѣль. (Запрещеніе водить медвѣдей. Новая пѣса. Пренія въ московской городской думѣ о царкѣ Держева. Оле-Вуль. Пѣса Кальдерона на петербургской сценѣ. Балетъ Сень-Леона. Итальянская опера въ Петербургѣ. Ревизоръ въ Ригѣ. Опера Глинки въ Прагѣ Дуэли актрисъ.

ВОКРУГЪ ДА ОКОЛО.

(По поводу бенефиса г-жи Васильевой.)

Странныя вещи бываютъ иногда на свѣтѣ. Стремится человѣкъ къ извѣстной цѣли, видитъ эту цѣль, не спускаетъ съ нея глазъ, подходитъ къ ней — и не можетъ подойти; ясно различаетъ онъ извѣстный предметъ, стоитъ около него, протягиваетъ къ нему руку, дотрогивается до него — и не можетъ схватить. По пословицѣ: око видитъ, да зубъ нейметъ. Ничто подобное представляетъ одинъ, довольно любопытный эпизодъ изъ исторіи нашей русской драматургіи. Съ цѣлою серіею нашихъ драматическихъ писателей приключилась непріятная исторія путниковъ въ пушкинскомъ стихотвореніи «Вѣсы» съ тою только разницею, что передъ нашими драматургами не лежатъ и не обходятъ тучи и блуждаютъ они не среди невѣдомыхъ равнинъ, а какая-то неодолимая сила шутитъ надъ ними шутку и кружитъ ихъ по сторонамъ среди бѣлаго дня и около одного и того же, слишкомъ заведомаго имъ мѣста.

Въ нашей русской исторіи есть эпоха, которая рѣзко отдѣляется отъ всего остального историческаго матеріала и невольно бьетъ даже самый близорукій глазъ. Едва ли исторія какого-либо другаго народа можетъ выставить что нибудь подобное по необычайности эпохи, о которой мы говоримъ, а говоримъ мы о смутномъ времени нашей государственной жизни. Этотъ относительно небольшой промежутокъ времени заключаетъ въ себѣ такъ много самаго живаго интереса, выдѣляетъ такія крупныя лица и событія, что почти разбѣгаются глаза. Больше же всего outstanding въ себѣ вниманіе и озадачиваетъ собою личность перваго самозванца: не даромъ она сдѣлалась предметомъ легендъ и пѣсенъ; не даромъ она сильно поражаетъ даже школьника, впервые знакомящагося съ нею по какому нибудь сухому и перессокращенному учебнику. Нѣтъ поэтому ничего мудренаго, что къ личности этого самозванца особенно жадно приковывается вниманіе романиста и драматурга. Очень естественно даже, что имя Лжедмитрія I должно было въ числѣ первыхъ русскихъ историческихъ именъ появиться и на русскихъ

театральныхъ афишахъ на самыхъ раннихъ порахъ во учрежденіи русскаго театра. Такъ и случилось.

Еще Сумароковъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, написалъ трагедію «Димитрій Самозванецъ». Это была подлинная трагедія въ томъ смыслѣ этого слова, какой имѣло оно повсюду въ прошломъ столѣтіи; нашъ русскій Вольтеръ и написалъ то ее (какъ это видно изъ Предисловія автора къ этой трагедіи) въ противодѣйствіе *новому и пакостному роду слезныхъ комедій*, который былъ такъ ненавистенъ ему. Нечего и говорить, что отъ исторіи въ этой трагедіи-первынкѣ осталось только два, три имени; отсутствіе лицъ и правды восполнилось обилиемъ жестокостей рѣчей александрійскаго размѣра. И вотъ, къ вѣщему удовольствію русской публики, старѣйшій представитель русскаго сценическаго искусства, Дмитревскій, фигурируетъ неистовствомъ архизлодѣя-самозванца, отъ котораго такъ и вѣетъ французскимъ кафтаномъ и пудрою; а актриса Троепольская изыскиваетъ въ роли злосчастной любовницы самозванца, Ксеніи, сдѣлавшейся въ трагедіи дочерью Шуйскаго. Вотъ первая послуга со стороны исторіи смутнаго времени — русской сценѣ.

Проходитъ добрыхъ полвѣка и ровно въ 1800 году Нарѣжнѣй, извѣстный въ свое время русскій романистъ и повѣствователь, пишетъ новую трагедію съ тѣмъ же названіемъ и также въ пяти дѣйствіяхъ. Съ первыхъ же сценъ видно, что передъ авторомъ уже разогнута русская исторія и онъ заглядываетъ въ нее, хотя бы для того, чтобы не разжаловать Ксенію изъ дочерей царя Бориса и чтобы назвать *наперсника* самозванца уже Басмановымъ, а не Парменомъ (какъ называлъ онъ у Сумарокова). Но слегка раскинутая историческая канва даетъ соперненный просторъ авторской фантазіи, которая переполняетъ пять дѣйствій трагедіи замысловато-сентиментальными эпизодами и сценами, награждаетъ Ксенію преніящимъ любовникомъ Георгіемъ, который сильно желаетъ, чтобы *устрашенная душа его носилась на его трепещущихъ губахъ*, у котораго съ языка не сходятъ Бруты, Катоны, Октавіаны; Шуйскій надрѣзываетъ книждомъ руку и, для большей чуастивительности, подписываетъ своею кровью письма; Басмановъ адово-